

Надежда Кутьёва

Взгляд

Журналистские истории

Надежда Кутьёва

Взгляд. Журналистские истории

«Издательские решения»

Кутьёва Н.

Взгляд. Журналистские истории / Н. Кутьёва — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-839533-8

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. В историях, рассказанных журналистом и писателем, всегда отражается его взгляд на мир. Размышления о действительности и живущих в ней людях, о событиях и времени, о литературе и искусстве обращают внимание читателя на законы нравственного бытия, составляющими которых являются милосердие, сострадание, любовь к ближнему, патриотизм, сохранение молодыми нравственных идеалов старших поколений, приобщение к мировой и отечественной культуре.

ISBN 978-5-44-839533-8

© Кутьёва Н.

© Издательские решения

Содержание

О любви и милосердии	6
Жил да был один король	6
Прощай, Бэтти	9
Сидела кошка у подъезда	11
Зарисовки пространства и времени	14
«Похвала тени», или «вслед за кистью» средневековой японской поэзии	14
Мой Петербург	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Взгляд Журналистские истории

Надежда Кутьёва

© Надежда Кутьёва, 2017

ISBN 978-5-4483-9533-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

О любви и милосердии

Жил да был один король

Однажды капитану дальнего плавания подарили щенка эрдельтерьера по кличке Жан-Поль-Кинг. В иноземном мудрёном имени главной составляющей являлось, конечно же, Кинг, что, как известно, означает «король». Но имя обрусело и постепенно трансформировалось в ласковое Кингуша, затем в более короткое Кеша, а после по понятным причинам снова удлинилось в Иннокентий. Пёс стал отзываться на все четыре варианта клички.

Люди сразу полюбили породистого игривого, забавного и смышленного щенка, чем-то похожего на маленького медвежонка. Вообще-то, этот эрдель был настоящим собачьим «вундеркиндом», одарённым блестящими способностями к дрессировке, абсолютным пониманием человеческой речи и даже музыкальным слухом. Последнее однажды было замечено хозяйкой. Она села за рояль и, подыгрывая себе, стала напевать модную в то время песню «Все могут короли»:

*Жил да был, жил да был,
Жил да был один король...*

Кинг примостился рядом, несколько минут слушал, наклонив набок голову и шевеля ушами, а потом, когда дело дошло до припева:

*Все могут короли,
Все могут короли,
И судьбы всей земли
Вершат они порой... —*

поднял морду вверх и, почти попав в тональность, вдруг завыл, то есть «запел». Пел так старательно и зажигательно, что хозяйка пришла в восторг и решила: о таком собачьем чуде должна узнать вся страна. Подключив связи и знакомства, она достигла желаемого и вскоре аккомпанировала своему красавцу-эрделю на одной из телепередач. «Пой, Сынок! (Сынок – еще одно имя от «мамы» – хозяйки)» – ласково сказала женщина своему питомцу, и Кинг, забыв о телевизионных камерах, юпитерах и чужих людях, беспрекословно подчинился: поднял голову вверх, закрыл глаза и высоко «запел», представьте себе, «Соловья» Алябьева...

Какое, как говорят, «звездное» открывалось будущее: Жан-Поль-Кинг мог бы стать королем собачьей сцены! Однако судьба распорядилась иначе.

Время шло, пес подрастал, требовал к себе много внимания. Но капитан подолгу бороздил моря и океаны, его жена-музыкальный педагог пропадала в школе, а сына призвали в армию. Что же делать? Решили отдать собаку приятелям.

«Отдать собаку» – как коротко и просто звучат эти слова, но какая за ними скрывается трагедия в жизни отданных или брошенных братьев наших меньших!

Кингуша и не думал, что с ним так поступят. Но поступили. Однажды хозяйка, обливаясь слезами, посадила «сынка» в машину и отвезла в чужой для него дом, к незнакомым людям. Кингу тогда было полгода. Началась другая жизнь.

В новом жилище пёс освоился не сразу. Он не понимал, что случилось, тосковал и, высоко подняв голову вверх, теперь уже не пел, а по-настоящему выл, то есть по-собачьи плакал. Новые хозяева, муж и жена, уходили на работу, их дочь – в школу, а эрдельтерьер оста-

вался с бабушкой, которая поначалу его просто-напросто боялась. Ведь когда сообщили, что скоро в доме появится собачка, она ждала щенка пуделя, шпица или болонки, а привели такого крупного, уже почти взрослого пса неизвестной ей породы и чем-то напоминающего медведя. Сперва их совместное времяпровождение в квартире было таким: Кинг завывал и тоскливо смотрел в окно, а бабушка подозрительно долго готовила обед, закрывшись от страшного зверя на кухне. Кинг не понимал, почему он снова один, и пытался открыть кухонную дверь. Однажды ему это удалось, и случилось чудо. Бабушка чистила картошку, сидя на стуле. Пёс незаметно подошёл и положил голову ей на колени. Из выразительных собачьих глаз потекли слёзы. Сердце женщины было растоплено. Страх исчез. Она погладила Кингушу и вкусно его накормила только что испечёнными пирожками. С тех пор бабушка и Кеша стали большими друзьями. Кроме того, смыслённый пёс понял, что если захочется чего-то вкусенького, то нужно, что называется, «пустить слезу».

Кингуша был звездой собачьих прогулок. Благородно бежевого окраса, с тёмной спиной, отдающей серебристым тоном, с жёсткой курчавой шерстью, с выразительными большими карими глазами, окаймлёнными длинными ресницами, пес вызывал восхищение прохожих. Но он не остался только декоративным домашним красавчиком. Способный ученик получил высшее образование и превратился в дрессированную служебную собаку. Каждый год на выставках судьи присуждали Кингу золотые медали не только за красоту (экстерьер), но и за высокое мастерство. Команды «барьер», «апорт» и даже «фас» исполнялись беспрекословно, однако пёс знал не только команды – его пониманию была доступна вся человеческая речь. Разговор с Кингушей доставлял огромное удовольствие. Он оказался великолепным слушателем: внимательно смотрел собеседнику в глаза, наклонял голову в знак согласия и шевелил ушами. Если же кто-то из домашних задавал риторический вопрос «Где же это мои тапочки?», то через несколько минут Кинг приносил их в зубах.

Вообще, Кеша всё удивительно тонко чувствовал. Когда машина хозяина подъезжала к дому, становился передними лапами на подоконник и радостно вилял хвостом. Если же кто-то грустил, подходил, садился напротив, клал голову или лапу на колени человеку, словно утешая, а потом лизал страдальцу руки. После этого все человеческие печали, конечно же, исчезали.

Иногда Кинг вёл себя совсем-таки по-человечески. Однажды пса не взяли на прогулку в лес, и он решил отомстить. В то время (это был конец 70-х годов) хозяин коллекционировал песни известных исполнителей, записывая их на катушечные плёнки. Огромный шкаф превратился в хранилище шедевров мировой музыки, где каждая кассета имела свой номер, название и знала определённое место на полке. Знал это место и Кеша. Оставшись дома один, в страшной обиде на людей, пёс открыл лапой музыкальный шкаф, вынул зубами несколько кассет и жестоко распотрошил их. Вернувшиеся хозяева застали следующую печальную картину: в позе погибшего воина Кинг лежал посреди большой комнаты, вокруг струились метры скотканной изгрызенной плёнки и валялись поврежденные коробки от кассет – все, что нажито непосильным трудом коллекционера! Первое, что могло прийти в голову – здесь были грабители. Но вряд ли грабителям хотелось унести именно это богатство. Хозяин подошёл к Кингу. Пёс «очнулся» не сразу. Наверное, мысленно он прощался с жизнью... К счастью, всё обошлось. Люди прониклись логикой собачьего поступка: пса, который боялся одиночества, никогда больше не оставляли в доме одного.

У Кинга был приятель из соседнего подъезда – эрдельтерьер Микки, или Микуша. Кеша всегда высматривал Микки из окна, а завидев, вилял хвостом и просился на прогулку. Внешне Микуша отличался от Кинга. Его шерсть была рыжее и чернее. Кинга всегда стригли и причёсывали по последней собачьей моде, Микки же ходил лохматым и кудлатым. Отличался он и непослушностью, и более буйным нравом, но при этом был наивен, ласков и добр.

Хозяин Микки прощал своему питомцу все шалости и недостатки. Это неудивительно, ведь его, раненого офицера-артиллериста, в годы Великой Отечественной войны спас от смерти, вытащив с поля боя, эрдельтерьер-санитар...

В страшные годы сражений с фашистской Германией на всех фронтах действовали полки, батальоны, отряды и роты военного собаководства. Собак в советской армии использовали как санитаров, минёров-подрывников и связистов. Писатель Илья Эренбург в военном очерке рассказал об эрдельтерьере Каштанке: раненная в голову, с разорванным ухом, истекая кровью, собака доставляла в батальон донесения. Две недели она поддерживала связь с резервом и погибла от снаряда.

...Такое не забывается. У спасённого офицера после войны в доме всегда жили эрдельтерьеры. Микки был третьим по счёту: самым бестолковым, нерадивым, но и самым любимым. Микуша знал, что ему будет прощена любая шалость и позволял себе вольности дворового пса: громко лаял, лениво выполнял команды или не выполнял их вовсе, не давал себя стричь и расчёсывать, и летом на его хвосте частенько красовались репейники. Хозяин ласково называл его «мой обалдуй» (то есть «болван», «оболтус»), и на это «имя» Микки также отзывался.

Обалдуй Микки был антиподом денди и щёголя Кинга, но это не мешало им проявлять высочайшую собачью привязанность друг к другу. Каждый раз, встречая Кешу на улице, Микки с громким радостным лаем летел к нему навстречу, а, подбежав, облизывал товарищу уши так тщательно, что они становились мокрыми, точно после дождя. Кинг снисходительно смотрел на друга: «Ну, зачем же так?». Затем начиналась увлекательная собачья игра: беганье за палками, догонялки и кувырчалки. Кстати, лакомство из рук хозяев эрдели тоже брали по-разному. Кинг делал вид, будто бы не он кушает обычно запрещённый кусочек сахара: незаметно слизывал его с руки хозяина, почти беззвучно ел, при этом задумчиво глядя куда-то вдаль. Вся его морда говорила: «Подумаешь – сахар...». Микки же, получив свой сладкий кусочек, громко его грыз, чавкал, а потом, облизнувшись, грозно гавкал: «Ох и вкусно, ну-ка дай ещё!».

Однажды Кинг и Микки, гуляя с хозяевами на пустыре неподалёку от стройки, подбежали к луже разлитого битума. Умный и осторожный Кинг остановился, а балованный и рассеянный Микки вбежал прямо в чёрную строительную смолу. Это была трагедия: пёс повредил четыре лапы, и вдобавок у него началась экзема. Каждый день хозяин выносил своего израненного и перебинтованного питомца на улицу, нёс его бережно, точно с поля боя. А Кеша никогда не уходил домой, не дождавшись больного друга, и, завидев Микушу, подбегал к нему, жалел, долго вылизывал ему уши...

Удивительные всё-таки существа собаки! Всё лучшее, что должно быть в людях, в них уже есть: верность, искренность, бескорыстие, сострадание, душевная щедрость (кто сказал, что у животных нет души?), внутренняя гармония и внешняя красота, которая позволяет человеку давать им такие благородные имена, как Кинг – Король...

Не хочется говорить о грустном, но Кинг прожил всего 7 лет – это была яркая собачья жизнь. Второго и тем более третьего Кинга у хозяев никогда больше не было. Жил да был один король...

Прощай, Бэтти

Бэтти – любимая собачка-мопс, которая неожиданно ушла от меня в свой собачий рай в жарком, душном и дымном 2010-м году – сердце не выдержало. Ей было около восьми лет.

Бэтти мы нашли в зоомагазине на Старом Арбате. О мопсе думали меньше всего – хотели карликового пуделя, или болонку, или фокстерьера. А в корзинке, к которой мы почему-то сразу подошли, спали два двухмесячных бежево-плюшевых щенка – именно мопсики. Вдруг один открыл глаза, встал и неловко, как все малыши, пошёл прямо ко мне. Я взяла это чудо в руки и прижала к себе...

Бэтти (сложно – Бэттина, а просто – Бэтька) действительно оказалась чудом – воплощением абсолютной доброты, нежности, преданности. Она была тактична, умна и совершенна в своей мопсячьей красоте.

Бэтти выглядела каким-то неземным, инопланетным существом – из-за огромных, всегда вопрошающих и грустных глаз. Но грусть – оптический обман. На самом деле, Бэтька была весёлой, игривой, забавной. Её закруглённый колечком хвостик всегда выражал оптимизм, бодрость, радость, и её пухленькое, как у моржонка, тельце, казалось, излучает свет. Бэтька была воплощением любви ко всем и всему, и эта любовь передавалась людям, собакам, кошкам, птицам, даже насекомым – они нашу собачку никогда не жалили, не кусали. Бэтьку все знали, все любили, особенно дети.

Бэтька казалась мне собачьим ангелом. Она вообще не знала чувства раздражения или злобы, или агрессии. Поэтому и отказалась лаять – не стала. Потяжков месяцев до четырёх приятным голоском, наша собачка вдруг замолчала. Не совсем, конечно, замолчала: она говорила «ря» с разной интонацией, урчала, как кошка, смешно фыркала, даже похрюкивала, но... не лаяла.

Однажды я вернулась домой раньше обычного. Бэтти тогда оставляли в закрытой комнате – у собачки резались зубки, и поэтому мебель казалась ей очень привлекательной. Из-за двери донёсся лай – долгожданное «гав-гав». Я замерла от удивления и радости – наконец-то! Лай повторился странным текстом. На собачьем языке было отчётливо произнесено «Гав-гав! Тяв-тяв! Гав!». При этом голос Бэтьки, надо сказать, звучал препротивно: тоненько, визгливо, заискивающе. Утешая себя, я подумала: «Ну ничего. И так собаки лают. Колли, например...». Я стремительно вошла в комнату и оторопела от увиденного: на четвереньках напротив щенка стоял мой отец и издавал неприятные звуки: «Гав! Гав! Тяв! Тяв!». Наша мопсятина с ужасом во все огромные глаза смотрела на хозяина и, говоря тревожное «ря», пятилась назад. Я буквально онемела, но урок продолжался: «Бэтинька! Поговори со мной! Гав-гав! Тяв-тяв! Мы обязательно научимся говорить! Гав! Тяв! Гав! Ря!». Видимо, именно после этого монолога Бэтти твёрдо решила не разговаривать по-собачьи...

Когда Бэтьке исполнилось три года, мы решили, что у такого чуда должны родиться щенки, но, к несчастью, этого не случилось: собачка заболела – ей удалили опухоль.

После сложной операции мне вернули совершенно холодное безжизненное тельце спящей Бэтиньки. Нужно было срочно, пока не пришла в себя и не почувствовала боль, везти её домой. Я вышла на шоссе и в каком-то полубезумном от горя и отчаяния состоянии пошла по разделительной полосе с поднятой рукой – машины справа и слева мчались мимо. Вдруг откуда-то (откуда?) появился офицер милиции – высокий, стройный, красивый. Он шёл по этой же полосе мне навстречу. Подойдя, ни о чём не спросил, притормозил жезлом машину и приказал водителю: «Помогите девушке!» Потом мне казалось, что офицер был похож на архангела Гавриила.

Прошло время. Когда мы принесли в дом неожиданный подарок – котёнка Таис (по-русски – Тасю), Бэтти, как всегда, встречала нас у входа. Положив Тасю рядом с собачкой, я ска-

зала: «Ну вот, Бэтинька. Пусть Тася будет твоим щенком». Фраза, конечно, нелепая. Но Бэтти обнюхала кошечку, посмотрела на неё с удивлением и... удочерила.

Когда Бэтики не стало, Тася долго тосковала, долго спала на её месте, а после заметно посуровела.

...Бэтка покинула нас в страшную жару. Её измученное мёртвое тельце отвезли на дачу к подруге, чтобы потом похоронить рядом с её верным псом-овчаркой. Могилка Бэтиньки, выкопанная под палящим солнцем, была глубока и прохладна. Рядом с собачкой положили любимую игрушку – плюшевого мопсика, ошейник с поводком, а саму её – на траву и на полевые цветы, которые она так любила нюхать. Потом Бэтти помянули – любимым сыром, колбасой. Возвращались пешком, шли километров шесть. Солнце так разъярилось, что, казалось, вот-вот расплавятся и дорога, и обувь, на неё наступающая. Расстроенные, воду с собой не взяли – забыли. Все двери закрыты – люди прятались от аномального зноя. Вдруг на обочине дороги – киоск (никогда его там не было). Наконец-то утолили жажду, дошли до станции.

Я оглянулась и вдруг сквозь горячее марево ясно увидела посреди пройденной дороги Бэтику – оказывается, всё это время она меня провожала. Потом Бэтинька ещё немного постояла и побежала назад, туда, где я её оставила...

Бэтти вспоминаю часто. Вижу её совсем маленьким щенком: вот она заползает на меня, ещё спящую, и внимательно изучает моё лицо. Я притворяюсь: не шевелюсь, хотя всё чувствую и вижу. Бэтка тихо вздыхает и «шёпотом» говорит своё «ря». Я открываю глаза. Бэтка радостно виляет хвостиком, громко произносит «ря» и начинает облизывать моё лицо. Я обнимаю её и прижимаю к себе – тёплый живой комочек...

Именно в то время моя мама снова, как в юности, начала рисовать. Остался портрет: Бэтти на зелёной траве – сияние нежности и добра – в акварели и пастели.

Сидела кошка у подъезда

В один из промозглых осенних дней около моего подъезда появилась молоденькая кошка. Кошка – красавица: гладкошёрстная, белая, с чёрными «коровьими» пятнами, благородной, как у пантеры, мордочкой и «охотничьими» острыми, высокими ушами. Ласковым и голодным мяуканьем она попросила есть, и я принесла ей еды. Кискис – такое теперь у неё было имя – жадно съела принесённую пищу, благодарно лизнула кормящую руку и теперь всегда меня ждала.

Судя по домашним повадкам, благородному виду, чёрно-белому «пятнистому» окрасу «мике», характерному для японского бобтейла, Кискис кто-то выгнал и выгнал из нашего же дома – может быть, из-за длинного небобтейловского хвоста или ещё по какой-то причине. Но мир не без добрых людей – Кискис больше не обижали, и вскоре вместе с кошачьей едой в миске появилась человечья: полкурицы, целая рыбина, мясной суп, овощное рагу, макароны, сырники.

Кошка оказалась умной и преданной: даже если я приходила поздно, она спрыгивала с ближайшего дерева или выползала из-под машины и радостно бежала навстречу.

Вскоре за юной красавицей отчаянно принялся ухаживать матёрый наглый рыжий кот, и, как водится, через некоторое время на свет должны были появиться котята. А будущий отец подъял оставленную в миске еду и исчез с концами... Удивительно, но многострадальная Кискис не обозлилась ни на людей, её предавших, ни на кота, от неё сбежавшего. Она, казалось, стала ещё добрее и ласковей и трепетно готовилась стать мамой.

Началась новая история. Когда пошли дожди и стало холодать, я устроила для Кискис жилище в подъезде. Снова, едва услышав мои шаги, кошка с уже округлившимися боками, шла мне навстречу, потом, накормленная и обласканная, просилась на руки... В подъезде, конечно, лучше, чем на улице, но всё же прохладно, и бывает темно, и грохочет лифт, и могут обидеть – ненадёжно. Пряча обиду, Кискис мостилась на лежаке и вопрошала своими умными зелёными глазами: «Что со мной будет?»

Вспомнился случай, произошедший два года назад в Сочи. В октябре в южном средиземноморском городе погода такая же, как в Москве в июне, оттого зверью там живётся лучше. Южные кошки – лениво-добродушные, стройные, с вытянутыми мордочками – загорали в парках, столовались в кафе и даже охотились на местных ящериц. Особенно запомнился один котёнок – серый, с круглой мордочкой, совсем малыш. В парке котёнка напугали большие собаки, и мне пришлось его спасать: взять на руки, приласкать, а потом ещё отпаивать остатками молочного коктейля. Котёнок почувствовал тепло и заботу и сразу полюбил меня: обнял лапками, замурлыкал и больше не собирался никуда уходить. Спустишь с рук – идёт следом. Так мы с ним добрались до гостиницы. Очень захотелось забрать его с собой, но как быть в гостинице, в поезде? Котёнок же решил, что человек его не бросит, лёг на спину и доверчиво-умилительно покатался по асфальту... Теперь я знаю, что тогда нужно было не размышлять, а действовать: взять с собой, увезти в Москву – и нет оправданию несовершенному милосердию. До сих пор доверчивая серая мордочка у меня перед глазами...

Беременную кошку Кискис, живое брошенное существо, я твёрдо решила приютить, пока не поздно и пока с ней ничего не случилось. Потому что, когда хочешь сделать добро, нельзя размышлять больше одной секунды.

И вот этот день настал: на руках я внесла отяжелевшую Кискис в мой дом. Домашняя кошка Тася, суровая и своенравная, с удивлением посмотрела на новую соседку и, издав ревнивый звук, похожий на рык обиженной тигрицы («Как?! И она здесь будет жить?»), удалилась на кухню.

Кискис, взволнованная, но не спеша и с достоинством, обследовала комнату и вдруг успокоилась – будто вернулась в жилище, где когда-то уже бывала. Она легла на кровать, вытянулась во весь рост и выставила большой прекрасный материнский живот напоказ, а затем, вильнув длинным чёрным хвостом, с наслаждением закрыла глаза – наконец-то страдания и мучения закончились...

Я думала: как же звали Кискис на самом деле и почему её, такую красавицу и умницу, выгнали бывшие хозяева? Она явно похожа на японского бобтейла, но отчего у неё длинный хвост?

Японская легенда гласит: «Высоко в горах живет гигантская кошка Некомата... Именно эта кошка приносит людям болезни и смерть. Вся ее злая сила заключена в хвосте, подобном змее, и именно там скрываются человеческие беды». Много боли и горя принесла в XI—XV веках эта легенда кошкам страны восходящего солнца: им беспощадно обрубали хвосты. В XVI веке в результате мутации хвосты у японских бобтейлов стали короткими. Однако при скрещивании с длиннохвостыми кошками все котята бобтейла в первом помете рождаются тоже длиннохвостыми.

Сейчас бытует мнение, что японские бобтейлы приносят своим владельцам счастье и удачу, а потеря животного грозит семье большими несчастьями...

Вскоре Кискис родила четверых длиннохвостых детёнышей: двух мальчиков (точь-в-точь в маму!), названных Бобсиком и Тэсиком, и двух девочек – чёрную с рыжими подпалинами Соню и трёхцветную Рысю. Так квартира превратилась в кошачье царство. Поначалу малыши ползали и были похожи на маленьких слепых крысят, потом у них открылись глазки, и они с удивлением взглянули на мир, высунув мордочки из картонной коробки. А через четыре недели «заковыляли», потом пошли, потом забегали на своих четырёх лапках и стали наконец похожими именно на котят.

Говорят, котята японских бобтейлов очень активны и потому нуждаются в присмотре. Верно. Изгрызаны два шнура и один тапок, внизу слегка ободраны обои, пробуются на первый зуб мебель... Под ноги то и дело попадают разбросанные игрушечные мыши. Холодильник наполнен кошачьими консервами и импортным кошачьим молоком. В три часа ночи по квартире раздаётся внушительный «топот» бегущих подростки детей Кискис, которым внезапно захотелось поиграть, или звуки борьбы и затачивания коготочков об ковёр. Но всё это тоже прекрасно, потому что удивительное чувство растёт в душе, когда наблюдаешь за маленькими котятами, – покоя, тепла, гармонии с миром. Начинаешь понимать: жизнь хрупка и бесценна, её нужно ценить. И какой это простой и очевидный замысел Вселенной, когда кошка, с нежностью мурлыча, кормит своих котят...

Кискис оказалась удивительно чуткой и любящей матерью. Первые недели она не оставляла малышей больше, чем на пять минут, остальное время возилась с ними: мурлыкала, кормила, вылизывала. Потом, когда дети научились выползать из картонной коробки, стала обижаться: нежным «м-ррр» подзывала их к себе и даже в назидание слегка покусывала беглецов. Наконец, смирившись с тем, что её котята подросли, стала наблюдать за ними и охранять от кошки Таси, затаившейся в охотничьем энтузиазме в коридоре. За шкурку таскать своих детёнышей Кискис не желала – жалела, зато учила их охотиться на игрушечных мышей и отзываться на призывное «м-ррр». Любимчиком стал чёрно-белый и очень ласковый Тэсик – точь-в-точь копия матери. Кискис вылизывает сына с особой нежностью, обнимает и прижимает к себе. Когда кошка-мама играет с детьми, она совсем не обижается, если они в азарте треплют её за хвост и покусывают за уши. Все котята исправно ловят игрушечных мышей, а Рыся однажды даже принесла «добычу» и положила в миску...

Какой-то мрачный острослов сказал: «Чем больше узнаёшь людей, тем больше нравятся собаки». Я бы добавила: и кошки. Действительно, людям есть, чему поучиться у кошки Кис-

кис. Например, – великодушию, умению прощать, наконец, материнству – настоящей и всепоглощающей любви к своим детям.

Зарисовки пространства и времени

«Похвала тени», или «вслед за кистью» средневековой японской поэзии

Начало XX века. Япония. Дзюнъитиро Танидзаки (1886—1965), возглавивший эстетическое направление в литературе, пишет эссе «Похвала тени»¹ – об особенном восприятии мира и красоты как единственной истины. «Если бы тень была изгнана из всех углов ниши, – говорил Танидзаки, – то ниша превратилась бы в пустое место».

Постигалась тайна тени, ее магическая сила...

***

Средневековье – время расцвета японской поэзии. К VIII веку в Японии сложился своеобразный государственный строй: власть наследных императоров опиралась на поддержку могущественного клана Фудзивара. Окруженные внешними знаками почета и величия, государи стали пленниками в собственных дворцах. Двоевластие привело впоследствии к кровавым междоусобным войнам, в результате которых управление страной фактически перешло от старинной аристократии к воинам-самураям. А пока, пленники своего времени, аристократы во главе с наследными принцами создавали за ширмами дворцов утонченный мир. Оставалось время для любви и интриг, придворных празднеств и любования вишнями в цвету...

Японский император всегда покровительствовал поэзии. С IX века проводились специальные поэтические турниры – *утаавасэ*. Поэтам-соперникам, например, называлось какое-либо чувство, и они сочиняли *танка* – изящные лирические стихотворения, выражающие мгновенные впечатления, переживания, философские взгляды автора. Такие стихи состоят из пяти строк, тридцати одного слога, мелодичность достигается не рифмой, а определенным количеством слогов в каждой строке пятистишия: в первой их пять, во второй – семь, в третьей – пять, в четвертой и пятой – снова по семь. Жанр танка главенствовал в древней и средневековой японской поэзии,

В эпоху Хэйян (то есть «мира и покоя»), длившуюся с VIII по XII век, императорский двор обосновался в новой столице (здесь теперь Киото), наступило господство аристократии. Сочинение танка стало неотъемлемой частью придворного этикета.

Из поэзии средневековой Японии сквозь время серебряным светом сияют не только мужские имена – Ки-но Цюраюки, Сайгё, но и женские – Оно-но Комати, Идзуми Сикибу, Акадзomé Эмон, Сикиси-Найсинно.

Оно-но Комати (ок. 825 – ок. 900) была придворной дамой и знаменитой красавицей. Еще при жизни о ней слагали легенды. Вот одна из них.

Молодой придворный по имени Фукакуса открылся в любви Оно-но Комати, но надменная женщина лишь посмеялась: заставила юношу приходить к ее дому и в течение ста ночей спать на пороге – так нужно было подтверждать любовь. Несчастный приходил и в бурю, и в дождь, и в холод, а в последнюю ночь не выдержал испытания – замерз и умер...

Говорят, призрак юноши всю жизнь преследовал убитую горем Комати, и даже в старости, всеми покинутая, она не смогла забыть влюбленного, избавиться от тоски – ее жизнь превратилась в сон. Поэтому в песнях-танка Комати – томление и растерянность, смятение души.

¹ Танидзаки Д. Похвала тени: Рассказы, эссе / Пер. с япон. СПб.: Азбука-классика, 2004. 384 с. С.307—359.

*Краса цветов
Поблекла...
Бесцельно годы пронеслись,
Пока в тоске любовной
Смотрю на долгий дождь...*

*...Пусть скоро позабудешь ты меня,
Но людям ты не говори ни слова...
Пусть будет прошлое
Казаться лёгким сном.
На этом свете всё недолговечно!*

*...Есть в этом мире
Один цветок, —
Невидим он,
Но блекнет без следа —
Цветок любви!²*

Ки-Но Цураюки сравнил поэзию Комати с «прекрасной женщиной, пораженной болезнью».

Ки-Но Цураюки (ок. 866—945 или 946) – звездное имя поэзии эпохи Хэйян. Поэт происходил из древнего рода Ки, его предки – легендарные герои. Цураюки получил хорошее литературное образование, обладал большими энциклопедическими познаниями. В 36 лет стал главным хранителем придворной библиотеки, составил антологию «Собрание древних и новых японских песен». Он верил в бессмертие поэтического слова и в предисловии к антологии написал: «Пусть время меняется, все – уходит; пусть радость, печаль сменяют друг друга: слова этих песен – будут и будут!». Цураюки известен и как основоположник дневниковой прозы. Считалось, что мужчине так писать не подобает, поэтому в «Дневнике путешествия из Тоса» рассказ ведётся от лица женщины. Но в стихах Цураюки о любви-небе, любви-реке, любви-разлуке – мужество и благородство:

*Летом высоко в горах
Плачет кукушка, —
Быть может, как я,
К небу возносит свой голос,
Томясь от бесплодной любви?..*

*...Я слов любви
Не говорил.
Лишь в сердце глубоко
Течет, не иссякая
Река любви...*

*...С тобою расстанюсь
И полнится сердце печалью.
Облаком белым*

---

² Оно-но Комати. Поблекли слова любви // Японская любовная лирика. М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. 336 с. (Серия «Домашняя библиотека поэзии»). С. 92, 95, 98.

*В туманной дали
Ты скоро растаешь...*

Цураюки-философ размышляет о смысле бытия:

*Да, сном и только сном должны его назвать!
И в этом мне пришлось сегодня убедиться:
Мир – только сон...
А я-то думал – явь,
Я думал – это жизнь, а это снится...*

*...Туман весенний, для чего ты скрыл
Цветы вишневые, что ныне облетают
На склонах гор?
Не только блеск нам мил, —
И увяданья миг достоин восхищенья!³*

Цураюки прожил около 80 лет, умер в зените славы и в окружении почитателей своего таланта.

Идзуми Сикибу (ок. 976? —?) – еще одна блистательная придворная поэтесса эпохи Хэйян. Время сохранило истории о ее замужествах и романах с принцами, более полутора тысяч стихотворений, «Дневник», но не оставило ни точной даты рождения, ни настоящего имени (Идзуми – провинция, где служил отец поэтессы, «сикибу» – слово, образованное от названия Ведомства церемоний). Зато танка, написанные Идзуми, преодолели время, сохранили подлинные чувства и гармонию слов. Они легки и мелодичны, как жизнь этой женщины:

*Всегда видеть тебя
Всегда ловить твои взгляды...
Ах, вот если бы ты,
Став зеркалом этим, ждал
По утрам моего пробужденья!*

*...Даже если тоска
Сердце мне разобьет
И оно разлетится сотней мелких осколков,
Ни в одном, даже самом ничтожном,
Не погаснет любовь к тебе⁴.*

Акадзомэ Эмон (957—1041), подруга Идзуми, оставившая о ней воспоминания, сама была известным прозаиком и поэтом. После смерти мужа Акадзомэ стала возлюбленной правителя страны Фудзивара, около 1028 г. написала «Повесть о процветании», в которой рассказывалось о времени его властвования.

Родился новый жанр – историческое повествование. Образ правителя выписан мастерски, возвышенно, с обожанием истинно любящей женщины.

---

³ Ки-но Цураюки. И я – уже влюблён // Японская любовная лирика. М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. 336 с. (Серия «Домашняя библиотека поэзии»). С. 156, 161, 163, 165, 177.

⁴ Идзуми Сикибу. Подобной любви может не выдержать сердце // Японская любовная лирика. М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. 336 с. (Серия «Домашняя библиотека поэзии»). С. 204, 207.

И по сей день на двух знаменитых людей Японии – Идзуми Сикибу и Фудзивара – потомки смотрят глазами Акадзомэ.

Лирическая поэзия Акадзомэ наполнена нежностью и печалью:

*Был в мире ты,
И самый тяжкий путь
Не был тяжелым.
Но вот я одна, и покрыто росой
Мое изголовье из трав...*

*...Прошлой весной
Лепестки облетели, но видишь —
Вишня снова в цвету.
Ах, когда б и наша разлука
Оказалась цветам сродни!⁵*

Классик японской поэзии Сайгё (1118—1190) – поэт, путник и скиталец, вошел в литературу не под своим настоящим именем *Сато Норикиё*, а под псевдонимом, имеющим значение «идуший к Западу».

Жизнь сулила молодому аристократу блистательную придворную карьеру, а в 20 лет к нему пришла и поэтическая слава. Но в 22 года Сато Норикиё внезапно оставил службу, дом, семью и постригся в монахи. Ни его современники, ни потомки не смогли разгадать причину столь решительного поступка. Есть лишь версии: несчастная любовь, обращение к буддизму.

Монах Сайгё много странствовал, с котомкой исходил всю Японию, жил в уединённой горной хижине, созерцая и творя. Стихи Сайгё современные исследователи сравнивают с глотком чистого воздуха в горной глуши, они наполнены свежестью и покоем созерцания:

*Увидя тень прохладную под ивой
Где протекала чистая вода,
Я поспешил скорей туда.
Подумал: «Буду здесь недолго», —
Но, очарованный, остался до утра!..*

*...О, если б кто-нибудь
В пору цветенья сливы
За веткой приглянувшейся
В мой сад
Случайно заглянул!*

Но встречаются и строки, полные грусти и одиночества:

*«Плачь!» —
Не луна ль сказала, повергая
Меня в печаль
И слезы исторгая
Из глаз моих?..*

---

⁵ Акадзомэ Эмон. *Овладеть бы умением легко забывать // Японская любовная лирика*. М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. 336 с. (Серия «Домашняя библиотека поэзии»). С.217, 219.

*...И даже мне, ушедшему от мира
Исполненного зла и суеты,
Так тяжки
Сумерки среди болот осенних
Где чайками покинуты кусты...⁶*

Умер Сайгё в горном храме Хирокава. Стояла пора полнолуния и буйно цвели вишни...
Говорят, что Сайгё некогда связывали романтические чувства с *Сикиси-Найсинно* (1151—1201), дочерью императора Госиракавы, который правил в эпоху междоусобных войн. Сикиси-Найсинно была заподозрена в политическом заговоре, и ей пришлось постричься в монахини.

В печальных и искренних стихах Сикиси увядает любовь, несбывшиеся надежды осыпаются осенней листвой:

*Листья павлонии
Все дорожки в саду засыпали.
Невозможно пройти.
Хотя сегодня как будто
Я и не жду никого...*

*...Нет никого,
Кто потревожил бы груды
Опавших листьев.
Птичьи лапки, и те не коснутся
Сегодня тропинки в саду...*

*...Несмотря ни на что
Ждала, но дни угасают
Один за другим.
И вместе с ними в сердце
Цвет любви увядает⁷.*

Еще одно яркое имя в японской литературе – *Сэй Сёнагон* (ок. 966—1017?). С творчеством Сёнагон связывают рождение жанра *дзуйхицу* (эссе). Придворная дама императрицы Тэйси (Садако) писала заметки «обо всем на свете, иногда даже о совершенных пустяках». Получилась книга «*Записки у изголовья*», о которой узнали случайно. Случайно началась самостоятельная жизнь книги, которая пережила свою эпоху уже на десять веков. Случайно, словно вспорхнул мотылек, появился новый жанр – *эссе*, близкий к существовавшему в Китае *суйби* – «вслед за кистью».

В «Записках у изголовья» нет единой сюжетной линии, не описываются значительные события, проза близка к поэзии. Сёнагон, словно художник кистью, делает наброски своих впечатлений, штрихами зарисовывает дворцовую жизнь, оставляя на тонкой бумаге и блики чувств, и ясные наблюдения, отражающие мир.

---

⁶ Сайгё. В одиночестве печальню люблю я до сих пор // Японская любовная лирика. М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. 336 с. (Серия «Домашняя библиотека поэзии»). С. 229, 235, 237, 238.

⁷ Сикиси-Найсинно. Поверить спешу мимолётному сну // Японская любовная лирика. М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. 336 с. С. 259—261.

«Весною – рассвет. Все белее края гор, вот они слегка озарились светом. Тронутые пурпуром облака тонкими лентами стелются по небу...»⁸, – так начинается эта удивительная книга-путешествие в давно ушедший мир изысканной аристократической культуры средневековой Японии. Знатный вельможа, тайно молящийся в буддистском храме во время паломничества, бойкая нищенка, требующая у фрейлин подношений, сметливый погонщик быков и юная прислужница, у которой разболелись зубы, тени императоров и императриц... Сэй Сёнагон, восхищавшейся изящностью новой тушечницы и храмовыми празднествами, удалось полетом кисти остановить время.

Средневековая японская поэзия имела свои особенности: недосказанность, приглушенность эмоций (точно в тени), «зашифрованность» чувств в метафоре, любимые символы. Например, для обозначения времен года: туманная дымка – весна; цикады, кукушки, травы – лето; алые листья кленов, улетающие журавли, рисовые поля – осень; белый снег и цветы вишни – зима.

В поэзии средневековой Японии сформировались свои эстетические принципы: ирогами, макото, аварэ. *Ирогами* – культ любви. Согласно *макото* («истинное»), вещи должны воспеваться в их естественном проявлении. *Аварэ* означает «восклицание», «проявление радости, любви, надежды». «Всеобщее очарование» в аварэ превратилось в «печальное очарование» – ведь земное существование мимолетно, все бrenно, все появляется и исчезает, подобно луне в тумане.

***

Начало XX столетия. Россия. Рождается Серебряный век. Русские символисты Владимир Соловьев, Дмитрий Мережковский, Валерий Брюсов постигают тайну двоемирия: в реальном мире видят тень потустороннего, раскрывают сущность символа – мерцающего серебряным отсветом между двумя мирами. Звучат голоса поэтов Серебряного века:

*Из перламутра и агата
Из задымленного стекла,
Так неожиданно покато
И так торжественно плыла,
Как будто Лунная соната
Нам сразу путь пересекла.⁹*

*... Унылый друг
Вспомни и ты меня
Раз в году,
В канун Иванова дня,
Когда разрыв-трава,
Разрыв-трава,
Разрыв-трава
Цветет!¹⁰*

*... Одинокий, нелюбимый
Я из дома в час вечерний*

---

⁸ Сэй Сёнагон. Записки у изголовья: Избранные страницы / Пер. со старояп. В. Марковой. СПб.: Азбука-классика, 2003. 304 с. С. 5.

⁹ Ахматова А. А. Собр. соч.: В 6 т. М.: Эллис Лак, 1998.

¹⁰ София Парнок. Собрание стихотворений. Анн Арбор: Ардис, 1979.

*Выхожу. Гляжу кругом.
Тучи тянут мимо, мимо,
Серебро мешая с чернью,
Осень в воздухе ночном.*¹¹

Сходство в литературе разных народов, эпох, миров – подарок вечности, игра света и тени. Быть может, и в стихах российского Серебряного века – тень древней японской поэзии. Япония! Как прекрасна твоя тень!

---

¹¹ Соловьёва Поликсена. Уныние [Электронный ресурс]. URL: <http://stih.pro/klassik/solovieva>.

Мой Петербург

Люблю высокое петербургское небо, к приезду оно, точно в подарок, становится ясным – это совершенство синевы.

Люблю, когда по небу плывут облака – они напоминают паруса на мачтах кораблей.

Люблю простор Невы и все 49 островов – как того хотел его создатель, город, расположенный на островах, похож на Венецию или Амстердам.

Люблю трёх каменных ангелов: один со шпиля Петропавловской крепости наблюдает за Невой, другой с Александрийского столба смотрит на петербургскую землю, третий – на католическом соборе – следит за небом. Ангелы, охраняющие город, верны своей миссии, оттого строги и неподвижны.

Люблю воздух, которым сладко дышать.

Люблю удивительные белые ночи. Петербург в июне – абсолют света. От этого время отступает, и события выстраиваются по линии пространства...

16 (27) мая 1703 года, в день Святой Троицы, на острове Заячий (по-шведски – «Люст-айленд») заложили крепость, которую Петр I именовал Санкт – Питербурх. Именно этот день считается днем основания города. Апостол Петр, по христианскому преданию, был хранителем ключей от рая, и это тоже казалось русскому царю символичным: город, носящий имя его небесного покровителя, должен был стать ключом от Балтийского моря. Только несколькими годами позже крепость стали называть Петропавловской – по названию ее главного собора.

Новый город начал расти рядом с крепостью на соседнем Березовом острове, и этот остров был переименован в Городской.

Жители селились традиционно русскими слободами. Отсюда названия улиц: Ружейная, Монетная, Купеческая. Но сказалося и европейское влияние: строительство велось по заранее разработанному плану, возводились прямые проспекты, которые мостились камнем и освещались фонарями, кварталы и площади поражали строгими пропорциями. Появились в северной столице и царские резиденции. Самые великолепные из них – Зимний и Летний дворцы. Летний сад благоухал выписанными из Европы цветами. Не уступали Версалию загородные резиденции в Стрельне и Петергофе.

Воплощение смелых архитектурных замыслов в новой столице проходило в трудных условиях: в заболоченной местности, при частых наводнениях. Люди гибли от непосильной работы, голода и болезней. По словам историка Карамзина, город Петра построен «на костях и трупах». Можно сказать: он родился в муках.

Однако вскоре Санкт-Петербург – любимое детище российского императора Петра Первого – превратился в один из главных оплотов России, стал красивейшим городом мира.

Это его великолепный портрет написал Пушкин в поэме «Медный всадник»:

*Люблю тебя, Петра творенье
Люблю твой строгий, стройный вид,
Невы державное течение,
Береговой ее гранит,
Твоих оград узор чугунный,
Твоих задумчивых ночей
Прозрачный сумрак, блеск безлунный,
Когда я в комнате моей
Пишу, читаю без лампады,*

*И ясны спящие громады
Пустынных улиц, и светла
Адмиралтейская игла,*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.